
Тень большого дерева
Виктор Жиров

Виктор Жиров

Тень большого дерева

https://litres.ru/74984348
SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник живых, трогательных и невероятно остроумных историй о жизни моего отца — человека несгибаемого характера, большого ума и бесконечной любви к своей семье. Здесь переплелись романтика советских НИИ и дачные подвиги, тонкий семейный юмор и мудрые уроки, проверенные временем. Это книга о том, как смеяться трудностям назло, любить одну женщину всю жизнь и строить дом, в который всегда хочется вернуться. Каждый читатель обязательно узнает в этих страницах частичку собственного детства и тепло родного дома.

Содержание

ИСТОКИ 5
С ПЕСНЕЙ НА КРЫШЕ 10
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ В КАЗАНИ 14
ОГНЕДЫШАЩИЙ СТУДЕНТ 18
ФОРМУЛА СУДЬБЫ НА СОКОЛЕ 24
СТРАСТИ ПО МИШУХЕ 27
СВАДЬБА 30
МАРЛЕВЫЙ РУБЕЖ 34
«КРАСНЫЙ МАЯК» ДЛЯ СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ 39
«МАМА, НЕ ПЛАЧЬ, Я СОЛДАТ!» 43
ТОМАТНЫЙ ДЕСАНТ НАКАНУНЕ АПОКАЛИПСИСА 48
СПЕЦОПЕРАЦИЯ «КУПЕЛЬ» 52
КАНДИДАТ БЕЗ ПАРТБИЛЕТА 56
КОРАБЛЬ МИРА 61
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Тень большого дерева

ИСТОКИ

Вот и настал тот момент, когда человек оглядывается по сторонам, видит подрастающее поколение с телефонами в руках и понимает: надо успеть. Надо рассказать им, пока они не решили, что мир начался сразу с интернета и доставки еды. Рассказать о счастливой, трудной, удивительной жизни их дедушки - моего папы.

Начинать, как известно, надо с детства. С истоков. Сам я эти истоки, понятное дело, не застал - знаю их по папиным скупым байкам и рассказам его старшего брата, любимого дяди Коли. Но если вдуматься, память - штука коллективная: один рассказал, второй запомнил, третий записал, а внуки пусть попробуют не прочитать.

Мой отец, Михаил Васильевич Жиров, родился 9 марта 1944 года.

Девятое марта сорок четвёртого. Последний год той страшной войны, когда земля ещё гудела, а люди уже ждали рассвета. Родиться в такое время - это не просто дата в паспорте, это сразу характер. Железобетонная уверенность в себе. Внутренняя стойкость, когда никакой кризис не повод опускать руки: «Ну и что? Это такая мелочь, такие пустяки». Строгость к детям - не злая, а такая, знаете, фундаментальная: чтобы выросли людьми, а не сквозняком. Особое, по-

чти священное отношение к хорошей, сытной домашней еде - потому что в сорок четвёртом о ней только мечтали. И, конечно, феноменальное чувство юмора с лёгкой склонностью к провокации.

Новых людей папа, честно говоря, не жаловал. Не подпускал на пушечный выстрел. Улыбнуться - улыбнётся, поздоровается, поговорит приветливо: общаться он умел блестяще. Начитанный, высокоинтеллектуальный человек, обладающий глубокими и разносторонними знаниями в различных областях. Одним словом - эрудит. Но границу держал крепче пограничника. Самые близкие - это семья. Семья, родня и соседи по даче, с которыми дружили десятилетиями. Вот этот круг - броня. Всё, что снаружи, - транзитные пассажиры.

А больше всех с папиным днём рождения, конечно, «повезло» нашей маме.

Представьте: 8 Марта. Международный женский день. Утренний кофе в постель от папы каждый год как знак преданности и качества отношений, конечно же, никто отменить не может. Цветы, духи, весна, законное право женщины положить ноги на диван и принимать поздравления. Но нет! Восьмого марта мама заступала во вторую смену на кухне: бессонная ночь, мука, противни, тесто дышит, мясо шкворчит. Потому что девятого марта - день рождения Михаила Васильевича! И не просто день рождения, а регулярный парад гостей, застолье, а в юбилейные годы - стихийное бедствие государственного масштаба. Вот такая романтика с

ароматом свежих пирогов.

Родился папа в селе Дубовое, что в Чаплыгинском районе. Тогда это была ещё Рязанская область, теперь - Липецкая. Село древнее: в архивах за 1638 год оно записано как Бело Озеро. Стоит при речке с живописным именем Ягодная Ряса, а по старым бумагам - речка Ховенка. В 1939 году там жило больше шести тысяч человек, сейчас - от силы полторы.

В войну село жило как натянутая струна. Мужики на фронте, в полях подростки и женщины, колхоз даёт хлеб армии, в районе развёрнуты эвакуированные госпитали.

Там же, в Дубовом, бьёт знаменитый Святой источник Николая Чудотворца. Место намоленное, вода студёная, вкусная, паломники едут со всей России за исцелением. Мы с папой тоже пили эту воду - чистую, холодную, от которой зубы сводит, а на душе становится тихо.

В семье Марии и Василия Жировых папа был десятым ребёнком. Десятым.

Развлечения у мальчишек той поры были суровые, спартанские: едва весной тронется лёд на реке - кто первый сиганёт в ледяную воду? Папа почти всегда нырял одним из первых. Видимо, закалка сорок четвёртого года давала о себе знать: вода ледяная, берега в снегу, а ему хоть бы что.

Отец его, мой дед Василий, был богатырём под два метра ростом - как и мы с братом потом уродились. Мужик косая сажень в плечах, жилистый, могучий. Всю войну пахал от за-

ри до зари, кормил фронт и свою большую семью. А весной сорок седьмого пошёл получать в колхозе заработанное. Заработанное тогда выдавали натурой - двумя мешками зерна. Дед взвалил их на плечи, пошёл через весеннюю реку и провалился под лёд.

Мешки с зерном он не бросил. Вытащил себя, вытащил хлеб для детей, донёс всё до дома, сырой до нитки на весеннем ветру. И слёг. Воспаление лёгких, скоротечный туберкулёз - сгорел за считаные недели.

Папе было всего три года, когда не стало отца. Он почти его не запомнил. В памяти остались только деревянные игрушки, которые дед строгал для младшего сына своими большими руками. И ещё один кадр, врезанный навсегда: папа сидит на плечах у шестнадцатилетнего старшего брата Коли, и они идут за гробом через всё село. Самый младший - на плечах у самого старшего. Без кормильца, в голодный сорок седьмой год.

Дядя Коля фактически заменил папе отца. Братья потом всю жизнь были рядом что бы ни случилось и, после смерти дяди Коли, папа вспоминал его с щемящей нежностью:

«14 июня - день рождения самого дорогого брата Коли. Когда мне было три годика, он, курсант Казанского лётного училища, прислал мне письмо: „Жди меня и коня в отпуск“. И привёз мне большого деревянного коня на колёсиках. Такое отношение ко мне сохранилось на всю жизнь. Благодарю всех, кто помнит и чтит память моего любимого брата».

Три года. Послевоенная разруха. И старший брат везёт младшему из Казани деревянного коня на колёсиках. Вот на этом коне, на этой братской любви и на маминых молитвах папа и въехал в свою жизнь.

Эта книга - не отчёт и не сухой перечень дат. Это живая память. Воспоминания из папиных рассказов, моменты нашего общего счастья, смешные и трогательные семейные истории, и всё то, что осталось с нами после его ухода.

Папа всегда со мной. В моём сердце, в моих привычках, в моих детях. Я хочу передать это тепло всем, кто его любил, помнит и ценит.

С ПЕСНЕЙ НА КРЫШЕ

От дома, где вырос папа, не осталось ничего. Бурьян по пояс, старый фундамент да пара обгоревших брёвен. Обычный деревенский дом. Без излишеств, прямо скажем. Стандартные квадратные метры из брёвен, в которых каким-то чудом счастливо помещалась огромная семья.

Папа был десятым, самым младшим. А младший в крестьянской избе - это не возраст, это привилегия. Его любили все, от мала до велика, поэтому хулиганил он с особым упоением. Излюбленным номером была печка: папа забирался на тёплые кирпичи, выжидал, пока старшие братья задремлют, и снайперски сбрасывал на них кошек. Кот летит, братья подпрыгивают, папа на печке заходится от восторга. Нормальное детство эпохи до изобретения интернета.

Зимой удобства были на улице - метров за тридцать по сугробам. Одеваться некогда: выскочил босиком по снегу, прошлёпал пятками по насту туда и обратно — вот тебе и гигиена, вот тебе и закалка.

А летом — на крышу. И петь.

Вообще папа пел всегда, когда был счастлив. А счастлив он бывал часто. Повод не требовался: утро задалось, солнце вышло, или просто жизнь пошла ровно так, как он только что задумал.

Голос у него был... как бы это выразиться поделикатнее. Консерватория по нему не рыдала. Если бы он пришёл на прослушивание, приёмная комиссия тихо вышла бы через запасной выход. В логопедии это интеллигентно называют гаммацизмом - дефект произношения звука «Г». Но по напору, страсти и децибелам это был термоядерный коктейль: смесь Людмилы Зыкиной, Бурановских бабушек и Эдуарда Хиля на пике оптимизма.

Рано утром на даче папа выходил на улицу и затягивал серенаду маме. Первые две секунды ты просыпаешься в холодном поту и ищешь глазами бомбоубежище. А на третьей секунде понимаешь: папа счастлив! И этот восторг накрывал весь дом.

Много лет спустя, когда мы со старшим братом уже сами сидели за рулём и орали во всё горло хиты девяностых - Браво, ДДТ, Земфиру - мама пыталась навести порядок: «Мальчики, потише!» Папа тут же пресекал на корню: «Лариса, не мешай детям петь! Пусть поют. Не видишь — они счастливы». Он в счастье разбирался лучше любых академиков.

В школе он учился блестяще. Когда мы гуляли мимо его старой сельской школы, он с юношеским азартом разглядывал спортплощадку: турники, брусья, беговые дорожки. А в аттестате - круглая серебряная медаль. По математике получил четыре, учитель считал, что лучше него никто не знает предмет. Будущий кандидат технических наук в школе был оценён по профильному предмету на четыре. А может с этой

четверки все и началось? В любом случае для нас с братом эта папина медаль висела где-то в районе стратосферы: смотри, восхищайся, но руками не трогай, всё равно не дотянешься.

Науки он впитывал как губка. Шёл по полю, смотрел, как одуванчики разлетаются и пух тополиный кружит, - и в голове у деревенского пацана складывалась модель объемного взрыва. Спустя годы прочитал в спецлитературе: так это же физический принцип вакуумной бомбы!

Смотрел на деревянный мост через Ягодную Рясу, который каждой весной стабильно и аккуратно уносило ледоходом: каждую весну строят, каждую весну смывает, круговорот мостов в природе. Папа сел, прикинул на бумажке силу течения и придумал, как вода сама может держать переправу. Через несколько лет узнал: военные инженеры тоже до этого додумались и назвали наплавным понтонным мостом. Обидно, конечно, что они не посоветовались с папой, но ход мысли совпал.

И что мы имеем к выпускному вечеру?

Крепкий парень с закалкой северного оленя. Мечтатель на крыше. Серебряный медалист. Любимый младший сын.

Звучит почти как сказка. Но это только на первый взгляд, потому что молодость обладает удивительным свойством - она стирает из памяти грязь и оставляет только солнце. А реальность была суровой: отца не стало, когда папе шёл четвёртый год. Семья бедствовала так, что сельсовет спилил в

саду единственную любимую грушу - налог на плодовые деревья платить было нечем, проще срубить под корень. Корову-кормилицу завистливые соседи сжили со свету, накормив сеном с гвоздями. Уголь для печки зимой приходилось тайком воровать с путей, чтобы просто не околеть до утра под одеялами. Из десяти детей в эти тяжёлые послевоенные годы выжили шестеро - Коля, Саша, Ваня, Миша и Таня с Саней.

И всё равно - папа вырос абсолютно счастливым человеком. Потому что человек с искалеченным детством так петь не сможет. Не сможет так искренне любить семью, уважать Бога, заливисто хохотать над хорошей шуткой и благодарить жизнь за каждый подаренный день.

И вот представьте финал этой деревенской главы: лето, жара, станция. Стоит парень из села Дубовое с серебряной школьной медалью в кармане.

Что делает деревенский медалист, когда чувствует, что ему всё по плечу?

Правильно. Садится на поезд и едет штурмовать МГУ.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ В КАЗАНИ

В МГУ папа не поступил, не хватило одного балла.

Трагедия? Катастрофа? Позор на всю деревню?

Ни в коем случае. Для этого надо знать моего папу. Он просто никому об этом не сказал. Зачем расстраивать родных лишней информацией? Правда подождёт, а нервные клетки матери надо беречь.

Поэтому семья в селе Дубовое была свято уверена, что их Мишуха уже сидит в аудитории на Ленинских горах и ожесточённо грызёт гранит науки. А Мишуха в это время тихо взял билет и поехал в Казань. Почему в Казань? Потому что старший брат Коля там учился на лётчика и взахлёб рассказывал про город. А если лётчику нравится - значит, место стоящее.

Правда, первый год папа грыз не столько науку, сколько самый натуральный гранит. С лопатой и носилками на стройке. Носил раствор, клал кирпич, спал в общежитии и по вечерам штудировал формулы. Зато через год совершенно спокойно, с первой попытки вошёл в парадные двери Казанского государственного университета.

Университет, между прочим, основан в 1804 году. Солид-

ное заведение, повидавшее на своём веку немало светлых голов. В разное время там отметились: Лев Толстой - классик мировой литературы, Сергей Аксаков - подаривший нам «Аленький цветочек», Муса Джалиль - татарский поэт-герой, и Владимир Ильич Ленин - создатель первого в мире государства рабочих и крестьян.

И среди этих гигантов мысли - мой папа.

Кто из знаменитых студентов Казани был для будущего математика фигурой номер один? Конечно, Николай Иванович Лобачевский. Человек, который доказал всему миру, что параллельные прямые запросто могут пересечься, если отойти достаточно далеко. Вся мировая наука сказала: «Не может быть!» А папа из села Дубовое посмотрел на это дело и понял: если прямые пересекаются, значит, и деревенский парень со стройки может покорить высшую математику. Логика железная.

Тогда же в папину жизнь вошли шахматы. Болела вся страна, играли во дворах, в парках, на кухнях под стук костяшек домино. Но одно дело - двигать деревяшки под пивко, и совсем другое - видеть доску на восемь ходов вперёд. У папы был математический склад ума, помноженный на природное крестьянское коварство. До глубокой старости он так и остался непобеждённым властелином чёрно-белых клеток. Обыграть его было так же реально, как повернуть Енисей вспять.

Жил студент Жиров на один советский рубль в день.

Вы можете сегодня представить жизнь на рубль? Это же песня! Пирожок с повидлом за пять копеек, стакан чая, проездной - и ты уже сыт, обут и образован. Причём из этих денег папа умудрялся ещё и регулярно откладывать и отправлять переводы в деревню - маме, бабе Маше. И при этом чувствовал себя абсолютным олигархом. Никаких кредитов, никаких депрессий: молодость, Казань, университет и 30 рублей стипендии. Счастье в чистом химическом виде. Тут, конечно, надо сказать, что братья и сёстры никогда не забывали самого младшего, помогали и приезжали в гости.

Потом были обязательные военные сборы. Там папа за пару месяцев лихо научился крутить баранку грузовика. Но водительские права получил... когда ему стукнуло далеко за пятьдесят!

До этого момента поездка на дачу представляла собой захватывающий квест с элементами тяжёлой атлетики: электричка, автобус, три километра пешком по гравию, два ведра с рассадой в руках и мешок удобрений на закорках. Папа шёл во главе колонны бодро, с песней, словно вёл полк на штурм высоты. Автомобиль? Зачем автомобиль, когда есть ноги и воля к победе?

Детей он обожал. Но требовательно. Приезжая к любимым племянникам, он не конфеты им раздавал - он первым делом открывал дневник. И начинался допрос с пристрастием: «Так, почему по физике четыре? Что значит „учительница придирается“? Давай сюда учебник, сейчас разберёмся,

где собака зарыта». Любовь у него выражалась в знании законов Ньютона. Не знаешь законов - какая тут любовь? Учи!

А ещё он фанател от музыки. Страстно, жадно, бесповоротно. Эпохи сменяли друг друга, а папина коллекция только прибавляла в весе: сначала бобинные катушки, потом кассеты, потом лазерные диски, потом флешки... Всё это хранилось в коробках, подписанное и готовое зазвучать в любую секунду.

И вот представьте картину: молодой младший научный сотрудник рассчитывает теорию вероятности отказа азотных двигателей космических ракетоносителей. Сидит над сложнейшими формулами, чтобы ракеты летали и не падали. Пишет диссертацию. Проверяет племянникам физику. Слушает любимые пластинки. Обыгрывает коллег в шахматы.

Он крепчал, мужал, обрастал броней и авторитетом.

И даже не подозревал, что высшая математика бессильна перед тем главным событием, которое судьба уже вывела на его орбиту.

Впереди была встреча, которую никакой теорией вероятности просчитать невозможно.

ОГНЕДЫШАЩИЙ СТУДЕНТ

В детстве я был абсолютно убеждён, что мой папа сделан из какого-то секретного огнеупорного сплава. Знаете, из тех керамических и титановых пластин, которыми обшивают космические корабли «Буран» для прохождения плотных слоев атмосферы.

Главным доказательством этой теории было папино чаепитие. Летом на даче он лично обрывал молодые листья малины и чёрной смородины, бросал в кружку горсть черноплодки или лесных ягод, отрезал толстенный ломоть лимона и заливал всё это крутым кипятком.

Нормальные люди в радиусе пяти метров ждали минут пятнадцать, пока термодинамика соблаговолит охладить этот напалм до совместимой с человеческой жизнью температуры. Я обычно ещё просил, чтобы мама насыпала мне туда сахара.

Папа же не ждал ни секунды.

Он брал полную чашку бурлящей лавы температурой ровно в сто градусов по шкале Цельсия - и не спеша, с наслаждением, делал огромный глоток. Пар валил из кружки, как из сопла реактивного самолета, а у отца на лице разливалось выражение абсолютного райского блаженства.

Я смотрел на это с ужасом шестилетнего ребёнка и одна-

жды не выдержал:

— Пап… А тебе внутри не больно?! Ты же обваришься весь!

Папа довольно жмурился, отставлял чашку и с улыбкой отвечал:

— Больно? Что ты! Наоборот - приятно! Этому меня ещё в Казани научили…

И тут отец выдавал свою коронную студенческую байку.

Дело было в славные годы учёбы в Казанском университете. Стипендия у будущего кандидата, прямо скажем, не располагала к регулярным визитам в рестораны, а молодой растущий организм требовал калорий и острых ощущений.

В свободное время папа любил прогуливаться по казанскому рынку. Там, в рядах со специями, стояли суровые южные торговцы, вокруг которых пирамидами высились горы овощей.

Папа подходил к самому солидному прилавку, напускал на себя вид скучающего гурмана и невинно интересовался:

— Уважаемый, а какой из этих перцев у тебя самый злой? Мне нужен настоящий огонь.

Продавец, гордый своим товаром, расплывался в золотой улыбке, выбирал самый ядрёный, багровый стручок и потрясал им в воздухе:

— Вот этот бери! Один кусочек откусишь - пожарных вызывать будешь, мамой клянусь!

Папа брал стручок двумя пальцами, скептически разгля-

дывал его на просвет, вздыхал и включал великого комбинатора:

— Да бросьте вы… Сказки рассказываете. Обычная трава. По нему же видно, что он сладкий как морковь. Вы меня за кого принимаете?

Темперамент торговца взрывался на месте. Профессиональная гордость была растоптана в пыль на глазах у всего базара!

— Что-о-о?! Морковка?! Да ты откуси, студент! На, жуй прямо сейчас, бесплатно отдаю, если не закричишь!

Этого папе только и надо было.

Он с хрустом откусывал половину термоядерного перца. И начинал медленно, со вкусом его пережёвывать.

На его лице застывала маска каменного сфинкса. Он смотрел на продавца ясными, честными, немигающими глазами. Ни один мускул не дрогнул на его щеке. Ни слезинки, ни капли пота, ни даже лёгкого намёка на кашель!

Проглотив огонь, отец спокойно с грустным разочарованием резюмировал:

— Ну вот, я же говорил. Трава травой. Никакой остроты.

У торговца отвисала челюсть. Базар вокруг замирал. Продавец в панике хватал с прилавка другой перец - ещё темнее, ещё кривее, от одного запаха которого слепли мухи на лету:

— Быть не может! Наверное, бракованный попался! На, вот этот попробуй! За этот зуб даю!

Папа с тем же олимпийским хладнокровием отправлял в

топку второй стручок. Потом - третий. Иногда аттракцион невиданной щедрости доходил до пяти перцев за раунд!

Когда продавец уже готов был уйти в монастырь от краха веры в законы ботаники, папа вежливо благодарил онемевшего торговца за дегустацию и с абсолютно сытым, довольным видом удалялся в общежитие.

Главная стратегическая сложность во всей этой спецоперации, как признавался отец, заключалась лишь в одном: нужно было постоянно менять рынки и продавцов. Потому что на старых точках при виде статного русского богатыря торговцы спешно накрывали перец брезентом и делали вид, что торгуют укропом.

Вторым священным тотемом в нашем доме был чеснок.

Головка свежего чеснока лежала на кухонном столе на Красного Маяка всегда - на правах полноправного члена семьи. Папа утверждал, что в его голодном послевоенном детстве в Дубовом чеснок был единственным доступным антибиотиком, витамином и антидепрессантом одновременно: им лечили всё, от ангины до разбитых коленок.

Мы с братом чеснок послушно жевали, но умудрялись регулярно приносить из школы простуды и бронхиты. Папу же за всю мою жизнь я ни разу не видел даже с банальным насморком. Любой микроб, неосторожно подлетавший к Михаилу Васильевичу, погибал ещё на дальних подступах - испепелённый чесночным духом и стоградусным кипятком.

Уже будучи взрослым, я как-то наткнулся на серьёзную

научную статью по психологии и с изумлением обнаружил там подробное описание… моего отца.

Оказывается, у психологов эта страсть к экстремальным температурам, чесноку и перцу называется мудрёным термином Sensation Seeking - поиск острых ощущений.

Учёные доказали, что люди, обожающие обжигающе горячее и слезоточиво острое, обладают совершенно уникальным психотипом. Острая пища вызывает в организме микрострессмощнейший выброс эндорфинов. Такие натуры терпеть не могут рутину и пресную скуку - им подавай сложные, масштабные задачи, они привыкли жить и чувствовать на пределе, на полную катушку!

А способность не морщась глотать кипяток и перец напрямую коррелирует с фантастической стрессоустойчивостью: эти люди готовы терпеть любое жжение и неудобство ради победного результата. Более того, физиологи утверждают, что для людей с колоссальным объёмом умственного труда жгучий капсаицин и кипяток работают как кнопка «Reset» — они моментально пробивают эмоциональное выгорание, сжигают усталость и возвращают в тонус уставший мозг.

Когда я прочитал это исследование, я только рассмеялся.

Психологам понадобились десятилетия лабораторных опытов, чтобы вывести формулу, которую мой папа интуитивно практиковал всю свою жизнь!

Он просто органически не умел жить вполнакала.

Он не признавал тёпленькой водички - ни в чае, ни в про-

фессии, ни в любви, ни в принципах. Если любить - то одну женщину на всю жизнь. Если строить - то на века и своими руками. Если спорить - то до победы, глядя прямо в глаза. А если пить чай - то так, чтобы пар шёл из ушей. Жизнь нужно пробовать горячей. И обязательно - с огоньком!

ФОРМУЛА СУДЬБЫ НА СОКОЛЕ

О том, как познакомились мои родители, я знаю во всех подробностях. Со стороны может показаться, что это фантастическая случайность, чистый хаос. Но подождите. Жизнь - это ведь тоже математика, она удивительно логично раздаёт награды тем, кто искренне трудится и верит. Жалко только, что это невозможно объяснить своему работодателю в объяснительной записке.

Итак, середина семидесятых. Перспективный молодой математик волею судеб едет в такси по Волоколамскому шоссе. Район развилки с Ленинградкой. Папа меланхолично осматривает архитектурные доминанты столицы. Проезжает новенькое здание института «Гидропроект», сияющее стеклом 1968 года постройки. А сразу за ним - небольшой сквер и монументальный сталинский дом.

Это были те самые крупноблочные «сталинки» - переходный этап от классического кирпичного зодчества к индустриальному будущему. Внешний вид таких домов формируют огромные бетонные блоки, создающие неповторимый ритм фасада. Стены не оштукатурены, видна четкая прямоугольная сетка швов. Суровая торжественность, напоминающая одновременно и средневековую кладку, и античный храм, решенный в масштабе советского проспекта. Благо-

родный серый цвет, геометрическая четкость… монументализм, в котором хочется не просто жить, а заседать.

И вот, когда такси шуршало шинами мимо этого фасада, в папиной голове случилась вспышка. Яркое озарение, короткое замыкание здравого смысла: «В этом доме живёт моя судьба». Внутренний голос произнес это так внятно, что папа едва не повторил это вслух водителю.

Впоследствии он часто рассказывал мне про такие знаковые озарения. Они всегда наступали внезапно и били точно в цель, будто чья-то невидимая рука сверху переставляла тебя на нужную клетку. У тебя просто нет варианта ошибиться, ты уже идёшь к своему счастью. Не знаю, как это работает, но ученые, видимо, правы: мы используем лишь малую часть потенциала, остальное за нас додумывает небо.

И что бы вы думали?

На следующий же день папин коллега просит составить ему кампанию. Коллеге понравилась девушка, та берет подругу - в общем, классический формат «два на два». О времена, о нравы! Первое свидание - вещь ответственная, стратегическая. Без свидетелей и моральной поддержки выходить на дистанцию было рискованно.

Папа пошёл. А «подругой» оказалась моя мама.

История умалчивает, какой набор чувств испытал математик, когда в конце вечера он пошёл провожать маму и привёл её именно к тому самому дому. К той самой «сетке швов» и «монументальному ритму». Но мы можем догадываться.

Система уравнений сошлась.

На следующее утро мама, как обычно, выходила из подъезда на работу. А тут папа. Прямо у двери. На следующее утро после знакомства! И сразу - предложение руки и сердца. Без подготовки, без арт-обстрела, в лоб.

Мама была в шоке. Если не сказать больше. «Зачем этот мужчина в возрасте, с уже наметившейся залысиной, пристает ко мне с какими-то предложениями?» - наивно думала мама. Она тогда ещё не понимала главного: если математик берется за дело, он доводит его до логического завершения кратчайшим путем.

Утром мама, конечно, отказала. Но через год они уже играли свадьбу по абсолютно обоюдоострому согласию. Напор, сила убеждения, блестящее знание поэзии и кондитерский магазин у метро «Сокол» сделали своё дело.

Так образовался этот вечный союз. Логичным результатом которого стали мы с братом и пятьдесят лет счастливой семейной жизни. Оказалось, что Лобачевский был прав: в определенных системах координат параллельные пути не просто пересекаются - они сливаются навсегда.

СТРАСТИ ПО МИШУХЕ

Папа был мужчиной высоким, сильным, атлетически сложенным, с правильными чертами лица и удивительно красивыми руками. Не музыканта - скорее скульптора. Во всяком случае, если надо было что-нибудь починить, прикрутить или построить, руки у него точно знали, куда их приложить.

Вполне возможно, в молодости он был расхитителем сердец на территории от Казани до Ворошиловграда, ныне Луганска, где жили его братья Ваня и Саня. А может, и дальше - до самого Казахстана, куда папа ездил в командировки на Байконур. Во всяком случае, электропроводку на нашей даче в Сопове он впоследствии сделал на высочайшем космическом уровне.

Что до женских сердец - здесь архив молчит. Истории из студенческой жизни ответа не дают, а сам папа всегда рассказывал только о маме. И это, пожалуй, самое надёжное свидетельство.

Папа влюбился и пропал за одну ночь. На следующее утро сделал маме предложение, получил отказ - и, как человек с математическим образованием, приступил к последовательному решению задачи.

Были месяцы ухаживаний, стихи, свидания и знакомства

с родственниками с обеих сторон. Узнав мамину семью поближе, папа только укрепился в своём выборе.

Мама - коренная москвичка на несколько веков, дальше документы, видимо, решили, что и так достаточно. Её родители, мои бабушка с дедушкой, были людьми рабочих профессий, интеллигентными и творческими, воцерковлёнными, то есть регулярно посещающими церковь, соблюдающими все религиозные праздники и посты. Искреннюю любовь к Богу папа пронес через всю свою жизнь, для него было очень важно с какой верой будет его муза.

Конечно, случались и ссоры. Куда без них? Если жених каждое утро уверен в своей правоте, а невеста ещё не всё про него знает, спорных моментов не избежать.

Однажды летом мама обиделась на своего импозантного ухажёра и уехала на дачу в Каменку. Мобильной связи не было, написать «нам надо поговорить» было некуда, а ждать, пока мама сама вернётся, папа не собирался.

Тогда он разработал операцию. В качестве связного - мамина младшая сестра, тётя Надя. В качестве транспорта - всё, что ходило от Сокола до Каменки. Папа проследовал за тётей Надей от подъезда до Савёловского вокзала, затем сел с ней в электричку, доехал до Лобни и пересел в автобус. Настоящий агент 007, только вместо пистолета - букет.

Мама выбежала встречать сестру к автобусу. Лето, дача, на ней детские шортики, настроение, вероятно, уже почти улучшилось. И вдруг вдали она увидела папу с цветами.

- Ну, Надя, зачем ты его привезла?!

Обида длилась не долго.

В тот вечер особенно веселился дедушка Коля - родной брат моей бабушки - с удивительно тонким чувством юмора. Он предупреждал маму:

- Ты, Лариса, смотри: эти женихи из регионов в Балашиху-то тебя увезут, а вот Балашиху из них уже никто не вывезет!

Папу эта шутка, кажется, ничуть не смутила. Он уже добрался до Каменки и увидел маму. А Балашиха отличное место, особенно когда до работы в Криогенмаше два шага.

Летние страсти улеглись и уже в ноябре образовалась новая семья - Михаила и Ларисы Жировых. А ещё через год в октябре появился на свет мой старший брат Алеша. Жизнь стремительно приближает читателя к появлению на свет автора этих строк.

СВАДЬБА

Ноябрь 1975 года выдался беспокойным.

В Риге поднял мятеж большой противолодочный корабль «Сторожевой». В Португалии разразился политический кризис. На Ленинградской АЭС произошла авария, о которой тогда никто толком не знал. А в Нижнем Тагиле 21 ноября официально открылся музей истории металлургического комбината.

Мир бурлил, менялся и открывал музеи. И в это же утро уверенная мужская сборная из братьев и племянников во главе с моим папой готовилась к штурму сталинской крепости на Соколе.

Наступил день свадьбы моих родителей.

К выкупу невесты папа подошёл как математик: заранее наменял в метро пятаков, сложил их в мешочек и подписал цифру с шестью нулями. Расчёт был простой: цена выглядит убедительно, а пересчитывать никто не станет. Особенно если не дать.

Тётя Надя приоткрыла дверь на цепочке - и тут же в квартиру хлынул решительный поток Жировых. Как им удалось преодолеть цепочку, история не сообщает. Возможно, она просто поняла серьёзность намерений.

Коридор мгновенно заполнился братьями и племянника-

ми. На крики младшей сестры вышла мама и застала картину, к которой её не готовили даже месяцы знакомства с женихом. В этой суете тёте Наде разбили ногу в кровь. Невеста была шокирована: папа, конечно, говорил, что хочет на ней жениться, но никто не предупреждал, что с таким напором.

Расписали молодых в ЗАГСе у метро «Динамо» - во Дворце бракосочетаний №2, который москвичи называли «Аистом». Он находился в жилом доме на Ленинградском проспекте. Мы часто пролетаем этот дом на машине, а весь 2026 год ваш покорный слуга ходил на работу мимо "Нулевого километра" своей семьи.

Почётными свидетелями стали папин любимый племянник Витя, сын старшего брата Коли, и мамина любимая младшая сестра Надя. Та самая, которая уже приняла на себя первый удар свадебной церемонии.

Жених тёти Нади (мой любимый дядя Сережа) тогда служил в армии, поэтому прислал вместо себя младшего брата - тоже Витю. Школьнику поручили присмотреть за невестой старшего брата. Заодно Витя организовал музыкальное сопровождение всего торжества. Получается, мальчика отправили на ответственное семейное задание, а он ещё и культурную программу обеспечил.

Первый день свадьбы отмечали в ресторане в Коломенском. До меня оттуда дошли только два эпизода. Оба связаны со свадебным тортом. Видимо, в тот день он был вторым по значимости участником торжества после молодожёнов.

Сначала папа снял с торта шоколадку с фигурками жениха и невесты и подарил своей маме, бабушке Маше. Маленький знак внимания, который она, наверное, запомнила не меньше самого праздника.

А потом баба Зоя, родная сестра моего дедушки Вити - отца невесты, понесла торт из ресторана домой. Чтобы на второй день все могли попробовать его на свежую голову.

По дороге баба Зоя оступилась и упала. Лицо разбила, но торт из рук не выпустила. Угощение уцелело ценой ушибов и ссадин. Вот что значит человек взялся доставить: доставит. При любых обстоятельствах.

После ресторана молодых проводили в Балашиху, где заранее сделали ремонт, в том числе руками отца невесты. Гостям же предстоял второй день свадьбы - уже в квартире на Соколе.

К нему подготовились основательно: всю мебель вынесли в коридор. Столы перетекали из комнаты в комнату, как потом в фильме «Москва слезам не верит». Меньшов снял свою картину несколькими годами позже, но семейную технологию передал точно: если гостей много, значит, мебели в квартире делать нечего.

На второй день половина невесты выглядела так, будто накануне пришлось не свадьбу гулять, а оборонять квартиру: у бабы Зои - разбитое лицо, у тёти Нади - опухшая нога, у кого-то ещё - перебинтованная рука. Зато жених с невестой были счастливы, торт спасён, а гости полны сил продолжать.

Классическая свадебная нагрузка - запредельная, но приятная.

Было шумно, весело, ели спасённый торт. Обе семьи знакомились ближе, а молодые, должно быть, начинали понимать, какой большой состав родственников теперь достался каждому.

Я бы рассказал об этой свадьбе больше. Но по известным причинам лично присутствовать не смог - только генами. Зато спустя годы мне достались истории, фотографии и возможность ходить мимо «Аиста», зная, что однажды отсюда началась наша счастливая семья.

МАРЛЕВЫЙ РУБЕЖ

Отгремели свадьбы, умолкли оркестры, баба Зоя восстановилась от эпичного падения с тортом. Молодые отправились в медовый месяц - в Ригу.

Город с восьмивековой историей, древние башни, узкие улицы, Балтийское море. А главное - это родной город тёти Лиды, жены папиного старшего брата Коли. Так что молодожёнов встречала целая армада родственников-экскурсоводов. Вместо романтического уединения получился интенсивный курс истории Ливонского ордена. Тоже неплохо для начала семейной жизни.

Дальше началась суровая проза бытия.

Коренную москвичку, мягко говоря, не сильно вдохновила романтика общежития в Балашихе. Хотя сами родители вспоминали это время с невероятным теплом.

График молодого мужа поражал воображение: папа, возвращаясь с работы, успевал заскочить, нажарить котлет к приезду уставшей жены, после чего семейство отправлялось на вечернюю прогулку. Изучали местные достопримечательности, монастыри, а зимой - вставали на лыжи. Просто норвежские фитнес-тролли, а не советские инженеры.

Но идиллия эта длилась ровно до того момента, пока не выяснилось, что скоро семья станет больше.

Ежедневные автобусные путешествия беременной мамы из Балашихи в Москву и обратно стали напоминать испытания космонавтов. Семья стратегически отступила на исходные позиции - к тёще и тестю на Сокол. Будущий первенец заявлял о себе столь уверенно, формируя нервную систему и сердце, что логистика стала критически важной.

К слову, родился будущий босс в Ленинградском районе. В семидесятых так называли всё пространство от Сокола до Речного вокзала. Видимо, уже тогда в ДНК брата была заложена тяга к Северной столице.

И вот оно свершилось.

20 октября 1976 года, в среду, в 14:55, весом ровно 3600 граммов и ростом 51 сантиметр на свет появился он. Новая жизнь пришла в этот мир. Гроза морей и телеэфиров, король баскетбола и золотая перчатка вратаря, повелитель юмора и укротитель мангала и сдобы. Великий русский богатырь и многогранный человек! Мой любимый старший брат.

Папа впервые увидел этот маленький красный сморщенный комочек на экране ультрасовременного роддома. Обезумев от отцовского счастья, он громогласно на всю страну объявил:

— Весь в меня!

А потом повернулся к маме и деловито уточнил:

— Ну как там Алёшенька?

Вопрос с именем папа закрыл единолично, авторитетно и без права апелляции.

Мама вспоминала те дни с филигранной точностью:

- Жили на Соколе. Лёша был ребёнком спокойным, много спал. Правда, сосал лениво. Лежит тихо, а как кормить - орёт. С трёх месяцев от груди вообще отказался, я ему только ночью ещё месяца два давала по инерции. Папа приходил с работы, даже не ужиная, брал коляску и уходил на два часа в лес. Днём я гуляла. Иногда тётя Надя из техникума приходила, брала коляску и гуляла с ним... и с кавалерами одновременно. Очень удобно: и ребёнок на воздухе, и личная жизнь сестры под присмотром.

Первое, что сделал папа, когда младенца принесли из роддома - сменил подгузник. Первенец основательно обкакался.

А теперь представьте масштаб бедствия. Никаких японских супервпитывающих памперсов цивилизация ещё не завезла. Бабушка сшила подгузники и пелёнки из того, что удалось добыть. А мама загодя натирала на тёрке детское мыло - натёрла целую трёхлитровую банку.

Сушили стратегический запас на кухне и на батареях, потому что пелёнок катастрофически не хватало, а писал молодой организм с завидной регулярностью. В арсенале было всего 10 фланелевых и 12 тонких пелёнок. Поскольку Алёша родился длинным, магазинные стандарты ему не подходили - шили сами, подлиннее.

Жизнь на Соколе напоминала хорошо отлаженный часовой механизм. Дедушка, мамин папа, через день работал и брал на себя кулинарию. Днём готовила мама, совмещая это

с выгулом Алёши. Вечером все собирались за большим столом.

Папа поначалу периодически ночевал в Балашихе. Но когда дедушка мудро заметил, что скоро будут распределять квартиры и лучше бы Мише официально прописаться на Сокол, вопрос решился сам собой. Перевезли вещи. Они поместились в маленькой комнате, а в проходной жили дедушка, бабушка и тётя Надя.

Плотность населения в квартире на Соколе уверенно приближалась к критической массе, но законы советской физики здесь давали сбой: чем меньше оставалось квадратных метров на человека, тем больше в комнатах было тепла и покоя.

Настоящую проверку на прочность семья прошла ещё до появления первенца, когда в дом привезли прабабушку Дуню после инсульта. Говорить она уже не могла, передвигалась с трудом, мир воспринимала сквозь зыбкую дымку, но главного не упускала: будущего зятя одобрила безоговорочно. За столом кивала ему с царственным достоинством и щедрой рукой подвигала угощения - мол, этот статный математик сойдёт, одобряю. На последних месяцах беременности мама самоотверженно ухаживала за ней: кормила с ложечки, умывала, водила под руки.

Когда пришла пора ехать в роддом, бабушку Дуню временно отвезли к тёте Зине в Пушкино. Думали - на пару месяцев, пока мама окрепнет после родов. Но в Пушкине

бабушка простыла и тихо угасла. Жизнь словно совершила вечный караульный развод: одно поколение безропотно передало смену следующему, освобождая дорогу новому человеку.

И этот новый человек уже вовсю осваивал выделенные ему метры.

Семья ковалась без красивых лозунгов и пафоса - в буквальном смысле слова у корыта и плиты. Через общую кастрюлю супа, бесконечные метры марлевых треугольников, хлопья натёртого детского мыла и ту самую безусловную любовь, перед которой пасует любой дефицит. Ведь если разобраться, советский быт был лучшим селекционером чувств: всё фальшивое в такой тесноте лопалось за неделю, а настоящее - оставалось на полвека.

«КРАСНЫЙ МАЯК» ДЛЯ СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ

В 1977 году, когда девятимесячный Алёшка только-только учился обозревать мир с высоты детского манежа, в жизни семьи произошло событие поистине библейского масштаба. Моему деду Виктору - почётному строителю Москвы, виртуозному водителю редкого и грозного финского крана Lokomo со стрелой - государство выделило новую квартиру в столице.

Современному человеку это трудно объяснить. Никаких ипотек на тридцать лет, никаких грабительских процентов, субсидированных ставок, рассрочек, эскроу-счетов и навязчивых звонков из отделов продаж: «Иван Иванович, только сегодня для вас скидка на машино-место!» Нет. Человек честно ворочал стрелой на стройках столицы - и страна вручила ему ключи.

Но поразительно даже не это. Время и люди тогда были скроены по другим лекалам: дедушка Витя, не колеблясь ни секунды, сразу оформил новенькую ордерную двушку на молодого главу семьи - моего папу. Взял и отдал зятю. Без расписок, без условий и без мелкого семейного торга. Папа на всю жизнь запомнил эту фантастическую щедрость тестя и

до седых волос рассказывал нам с братом об этом поступке с неподдельным восхищением.

Так Михаил, Лариса и маленький Алёша Жировы стали новосёлами квартиры №118 на пятнадцатом этаже шестнадцатиэтажной башни по адресу: улица Красного Маяка, дом 15, корпус 1.

Сказать, что переезд был волнительным, - значит не сказать ничего. Это была настоящая шекспировская драма на колёсах. Когда грузовичок с нехитрым скарбом миновал Варшавку, миновал круг и стал плавно спускаться вниз по улице прямо к кромке густого Битцевского леса, мама - коренная москвичка с асфальта Миусс и Сокола - посмотрела в окно и горько разрыдалась. Ей казалось, что её везут в ссылку. В глухую, непроходимую тайгу, на край света, откуда до ближайшего очага цивилизации придётся добираться на собачьих упряжках. Что было близко к истине. Пражскую построили в 1985 году, а до этого ближайшим метро была Каховка, примерно в 6 км на автобусе.

Маму можно было понять: совхозные поля вокруг упразднили буквально три года назад, в 1974-м. Но дом, куда они въезжали, был по тем временам чудом индустриального домостроения. Точечные башни серии П-43 строители возводили с особым старанием - ведь многие квартиры предназначались для своих же коллег. Железобетонные панели, изолированные комнаты, два современных лифта, система пожаротушения и головокружительный вид с пятнадцатого этажа

на бескрайнее зелёное море Битцы.

А ведь земля эта хранила память куда более древнюю, чем советский панельный бум. Ещё в XII–XIII веках на холмах у Чертановской и Днепропетровской шумели дубравы, под сенью которых насыпали свои курганы вятичи. Позже, в XIV столетии, вдоль южных рубежей Москвы встала засечная черта против степных набегов: могучие вековые деревья валили вершинами на юг в рост человека, создавая непреодолимую преграду ни для конного, ни для пешего войска. На пересечениях засек и дорог ставили сторожевые посты, обраставшие сёлами. Так появилось село Чертань - старинная вотчина Вознесенского девичьего монастыря из Московского Кремля. А рядом бежал Серпуховский тракт, помнивший и ратников Ивана Калиты, и крымскую конницу, ставший со временем главной артерией юга.

Да и само название «Красный Маяк» возникло не на пустом месте. До революции здесь цвело старинное село Красное — «красное» в исконном русском смысле: красивое, лучшее, пригожее.

Местные крестьяне веками славились садоводством: выращивали отборные саженцы вишни, яблони и сливы, поставляя их для разбивки модных дворянских английских парков. После революции дворянскую усадьбу сменил совхоз передового труда, наречённый советским символом - «Красный Маяк». В 1960 году эти земли влились в черту Москвы, старые совхозные яблони уступили место широким

улицам, трамвайным путям и высотным корпусам, но дух созидания и простора остался.

Вот на этом самом месте - на стыке древней засечной черты, царских садов и передового советского модернизма - и зажёгся наш собственный семейный маяк.

Отсюда папа по утрам уходил на работу, сюда возвращался к дымящемуся ужину. Здесь с пятнадцатого этажа он подолгу вглядывался в горизонт, мысленно решая уравнения и слушая любимые пластинки. Здесь уже родился и вырос я, звенел детский смех на балконе, встречались шумные праздники, случались размолвки и трогательные примирения, переживались потери и взрослели внуки.

Здесь незаметно, шаг за шагом, протекли полвека большой, счастливой и настоящей семейной жизни - на высоте птичьего полёта, под надёжным светом Красного Маяка.

«МАМА, НЕ ПЛАЧЬ, Я СОЛДАТ!»

В полтора года Алёшу попытались внедрить в советскую дошкольную систему. Система дрогнула, но Алёша оказался устойчивее: неделю он героически посещал группу, а затем на две недели отправлялся в глубокий тыл на больничный. В итоге мама совершила карьерную революцию, изобретя первую в истории Чертанова домашнюю «удалёнку», — договорилась на работе и брала задания на дом. Со второй попытки, к двум годам, будущий богатырь всё же снизошёл до детского сада. Расставаться с мамой решительно не хотелось, но коллективизация брала своё.

Внешне брат в ту пору походил на сошедшего с открытки фарфорового купидона: чистый ангел с копной потрясающих вьющихся волос.

И вот однажды папа пришёл забирать сына из садика. Воспитательница, не подозревая, к чему приводят случайные замечания в разговоре с математиком, неосторожно вздохнула:

- Вы знаете, Михаил Васильевич, у мальчика слишком густые кудри. Бегает, потеет...

Любой другой родитель купил бы панамку полегче. Но папа был человеком алгоритма: есть вводная - требуется мгновенное оптимизационное решение.

В тот же вечер маршрут «садик - дом» пролёг через па-

рикмахерскую.

Когда мама вернулась с работы и переступила порог, она осела на обувную полку и зарыдала в голос. Все роскошные золотые кольца пали жертвой парикмахерских ножниц. На аккуратной круглой голове остался торчать лишь дерзкий, хулиганский чубчик.

Увидев рыдающую мать, Алёша не растерялся. Он перехватил пластмассовый автомат поудобнее, встал по стойке «смирно» и отчеканил на всю квартиру:

— Мама, не плачь! Я солдат!

После чего весь вечер маршировал перед зеркалом, любовался новым брутальным имиджем и с гордостью повторял: «Я солдат. Настоящий солдат».

Впрочем, военная карьера быстро сменилась монаршей. В свободное от службы время маленький Алёша предпочитал наряжаться в принцев и рыцарей. Экипировка собиралась из подручных средств с безупречным вкусом: на плечи набрасывался мамин парадный платок с массивной брошью по центру (вместо королевской мантии), на поясе крепился верный пластиковый меч, а на макушку водружалась корона.

В этом облачении единоличный император квартиры возводил первые в жизни фортификационные сооружения. В ход шли все диванные подушки, валики и стулья. Создавались сложнейшие архитектурные шалаши по индивидуальным проектам. Забегая вперёд, скажу, что главные дивиденды от этих подушечных замков и секретных ходов чуть поз-

же получил уже автор этих строк, но в те безмятежные годы престол безраздельно принадлежал старшему брату.

Со двором и свитой у принца тоже всё было в порядке. Дружба в Чертанове завязывалась намертво: с ребятами из нашего дома Алёша вместе топтал ковры в садике, потом сел за парты в школе, а с некоторыми умудрился даже поступить в один университет. Мама регулярно снаряжала экспедиции в центральный «Детский мир» на Лубянке и с каждой зарплаты везла оттуда чудеса немецкого автопрома - подъемные краны, самосвалы и тракторы, вокруг которых в песочнице собирались стратеги всех возрастов.

Мама отдавала первенцу всё свободное от работы время и даже больше: учила буквы, рисовала, терпеливо лепила куличики. А папа отвечал за масштаб и культурную экспансию. Возил сына с мамой в Зоопарк, водил по историческим залам столицы, а однажды зимой даже вывез в подмосковный дом отдыха. Мама навещала их по выходным - это был суровый, закаляющий советский «олл-инклюзив» среди заснеженных сосен.

На лето клан Жировых снимался с якоря и мигрировал в Каменку. Логистика напоминала войсковую операцию: бабушка ради такого дела просто увольнялась на три месяца с работы, мама брала законный отпуск и ещё месяц за свой счёт, папа выкраивал свои четыре недели. В Каменке дедушка чуть свет будил внука на рыбалку, а папа по вечерам в местном клубе давал трактористам мастер-классы по шахма-

там, разнося их защиту ферзевым гамбитом. По средам мама героически моталась на перекладных электричках в Москву за провизией, потому что в сельмаге из деликатесов водились разве что килька в томате да карамель «Дубок».

Случались, впрочем, и гастрономические драмы. Как-то на майские праздники родители уехали в Репино под Ленинград, а четырёхлетнего Алёшу оставили на Соколе под крылом бабушки и дедушки. В сталинском доме на первом этаже работала легендарная кулинария от ресторана «Пекин» - с умопомрачительными тортами. Старики решили побаловать внучка и купили большой бисквитный торт с нарядными розочками.

Алёша, с ранних лет знавший толк в хорошей еде, подошёл к задаче прагматично: первым делом методично убрал с кремового поля все розочки до единой. Организм юного гурмана испытания жирным советским кремом не выдержал. Когда буря улеглась, бледная бабушка вытерла лоб и категорически заявила, что больше не останется с внуком без родителей никогда.

Дни рождения наследника отмечали с царским размахом - в два захода. Первый день - для солидной взрослой родни с тостами и заливным, второй - шумный детский карнавал. Всё строго под чутким маминым надзором.

И всё-таки для полного детского триумфа Алёше чего-то не хватало.

Он страстно, самозабвенно мечтал о двух вещах: о собаке

и о братике.

Собаку временно замещало синее детское одеялко. Когда мальчика отучали от пустышки и на душе сгущались экзистенциальные тучи, Алёша сворачивался на кроватке клубочком, прижимал к носу край одеяла и самозабвенно сосал его уголок. Эту реликвию с заботливо пришитой маминой заплаткой на месте прогрызенной дыры бережно хранят в семье до сих пор.

А вот вопрос с братиком требовал более основательного подхода.

Был тёплый день, когда папа достал на работе профсоюзные путёвки на экскурсию в древний Загорск. Мама с Алёшей бродили по брусчатке Троице-Сергиевой лавры, завороженно разглядывали экспонаты в знаменитом Музее игрушек, выбирали деревянных коней и глиняных свистулек.

Со стороны казалось, что на экскурсии их только двое: нарядная молодая мама и длинноногий мальчик с солдатским чубчиком.

Но на самом деле они уже путешествовали втроём.

Спрятавшись у мамы в животике, я внимательно слушал скрип старинных половиц, шум колоколов и звонкий голос старшего брата. Моё время выходить на сцену стремительно приближалось.

ТОМАТНЫЙ ДЕСАНТ НАКАНУНЕ АПОКАЛИПСИСА

Сентябрь 1983 года. Весь цивилизованный мир балансирует на острие термоядерной катастрофы, а на кухне типовой шестнадцатиэтажки на улице Красного Маяка идёт своя битва глобального масштаба. Мама закатывает помидоры.

В этом феномене - вся суть великой русской женщины. Девятый месяц беременности, живот уже закрывает обзор собственных тапочек, схватки могут начаться от любого неловкого вздоха, но долг зовёт: зимой семья обязана хрустеть домашними соленьями под бой курантов! Какая разница, что там решают в Пентагоне и на Политбюро, если укроп вянет, а трёхлитровые банки ещё не простерилизованы?

Видимо, тогда у меня на глубинном подсознательном уровне и зародилась претензия к овощам. В детстве я консервированные помидоры терпеть не мог - считал их личными врагами, вероломно ускорившими моё появление на свет. Лишь годам к шестнадцати вкусовые рецепторы капитулировали перед мудростью предков: сейчас за мамины маринованные томаты и глоток пряного рассола я готов отдать половину золотого запаса страны.

В общем, прямо с кухни, среди батареи банок, лаврового

листа и чесночного аромата, маму по скорой увезли в роддом на Калужской.

Там на рассвете мама, стиснув зубы от схваток, интеллигентно и деликатно будила спящего дежурного акушера. Доктора по чистой случайности звали Виктором. Врач проснулся, оценил обстановку - и во вторник, 27 сентября 1983 года, ровно в 5:00 утра на свет явился второй сын Ларисы и Михаила Жировых.

Я вышел в этот мир с громким возмущением и сразу включил сирену на полную мощность легких.

Тем временем на Красного Маяка папа уже не спал. Вооружившись увесистой записной книжкой в дерматиновой обложке и дисковым телефоном, он развернул масштабную радиостанцию оповещения всех и вся:

— Второй! Сын! Зовут Витя! В честь деда!

Вопрос с именами папа решал также, как Лобачевский с геометрией, - единолично, безупречно и навсегда. Брата он назвал Алёшей - имя находилось тогда на пике популярности в СССР, меня - Виктором, в честь деда по материнской линии, того самого крановщика-виртуоза, подарившего нам квартиру. Выбор был сделан с мудрым крестьянским прицелом «на вырост». И расчёт математика оправдался на все сто: мы оба с братом вымахали под два метра.

А если взглянуть на карту истории, сентябрь 83-го был временем, когда земля под ногами ходила ходуном. «Холодная война» раскалилась добела: в начале месяца над Саха-

лином советский перехватчик сбил отклонившийся от курса южнокорейский «Боинг» - 269 жертв, дипломатический шторм, нервы у всех на пределе.

Но главное произошло всего за сутки до моего рождения. 26 сентября в секретном бункере Серпухов-15 советская система раннего предупреждения «Око» вдруг взвыла сиреной: из-за редкой оптической засветки солнечных лучей от облаков электроника зафиксировала старт американских ядерных ракет.

Мир повис на волоске толщиной в паутину. Если бы на дежурстве сидел модный ныне искусственный интеллект, планета бы уже догорала в радиоактивном пепле по строгому цифровому алгоритму.

Но там сидел живой советский подполковник Станислав Петров, который включил смекалку, нарушил инструкцию, признал тревогу ложной и спас человечество от третьей мировой.

Земле дали шанс пожить ещё немного. Планета выдохнула - и наутро в роддоме на Калужской родился я.

Я пришёл в этот спасённый мир с кучей грандиозных планов и абсолютной уверенностью в завтрашнем дне. Для счастья у меня было всё: руки, ноги, светлая голова, уютный дом с видом на Битцевский лес, любящие родители, папина непоколебимая уверенность и лучший в мире старший брат - живой ориентир и пример для подражания на всю оставшуюся жизнь.

Жизнь началась, и скучать она явно не собиралась.

СПЕЦОПЕРАЦИЯ «КУПЕЛЬ»

Советский союз был страной удивительного двоемыслия. В космос летали с лозунгом «Бога нет!», а на Пасху в каждой второй квартире интеллигентно пахло ванилью и куличами, заботливо замаскированными под «кекс весенний».

Верили почти все, но на работе об этом знали только те, кому по должности полагалось не знать. Принцип конспирации соблюдался строже, чем на Бейкер-стрит. Если ты, упаси господь, молодой учёный, аспирант или член партии, и тебя засекли со свечкой у алтаря - всё. Прощай диссертация, прощай карьерный рост, здравствуй внеочередное заседание парткома по теме «Моральный облик советского ученого в свете решений двадцать шестого съезда». До 1988 года, когда страна на государственном уровне вдруг вспомнила, что Руси уже тысячу лет как положено быть крещёной, оставалось ещё жить и жить.

Но у моего папы на этот счёт было своё, строго математическое уравнение. В Бога он верил глубоко, тихо и без показухи - с самого босоногого детства и до последних дней, когда они с мамой строго держали посты и ежегодно исповедовались и причащались.

Поэтому вопрос, крестить ли детей, на семейном совете не обсуждался в принципе. Обсуждался только план опера-

тивных мероприятий: где, когда и как обойти посты идеологического контроля.

Крёстных папа с мамой выбирали как в отряд космонавтов - только проверенные, кристально надёжные кадры.

С Лёшей в 1976 году спецоперация проходила в подмосковном Пушкино. Папа как раз писал диссертацию, поэтому лично светиться в культовых учреждениях ему было категорически противопоказано. Мозг математика сработал молниеносно: через бабушкину сестру Зину нашли доверенный приход, дядя Коля подогнал свои безотказные «Жигули», загрузил в них десант родственников и рванул по Ярославке.

Приехали на место - а там аншлаг! Оказалось, идея «тайно покрестить дитя на дальнем кордоне» одновременно осенила ещё мамину родню - многочисленное семейство Осиповых. В тесной церкви яблоку негде было упасть.

Крёстной мамой Лёши стала тётя Надя - она мужественно держала круговую оборону у купели. А вот крёстный отец, папин старший племянник Валера, присутствовал на таинстве исключительно духовно - он в этот момент отдавал священный долг Родине в рядах Советской армии. Нормальный советский компромисс между присягой и вечностью.

К осени 1983 года, когда настала моя очередь приобщаться к благодати, логистику оптимизировали. Ехать в Пушкино уже не требовалось: семья прочно обосновалась на юге столицы, и операцию перенесли в Коломенское. Папа продолжал писать диссертацию из-за того, что не вступал в пар-

тию. А значит конспирации не избежать.

Моими духовными поручителями стали мамина двоюродная сестра Марина и Иван — муж папиной племянницы. Люди солидные, ответственные, готовые поручиться перед Творцом за трехкилограммового крикуна из Чертанова.

Сам выбор места внушал священный трепет. Коломенское - это вам не просто пригородная церквушка.

Там высится белокаменное чудо - церковь Вознесения Господня, первый шатровый каменный храм на Руси, памятник из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. В Москве такой международный статус имеют всего ничего: Кремль, Красная площадь, Новодевичий и вот оно - Коломенское.

Храм этот, по преданию, воздвиг ещё великий князь Василий Третий, когда истово молил небо о даровании наследника. Молитву на небесах услышали, наследника дали - им оказался будущий царь Иван Васильевич, прозванный за крутой нрав Грозным. Внутри церковь крошечная: строили-то для великокняжеской семьи, без расчёта на массовые экскурсии трудящихся. И вот в этом величии веков, под древними сводами, пахнущими ладаном и шестнадцатым столетием, меня окунули в купель.

Младенец в силу возраста и отсутствия зубов богословских тонкостей ещё не понимает, поэтому в храм его вносят на чужих руках и под чужую веру. В этом и есть великая сила семьи: когда ты сам ещё мал и слаб, вокруг тебя встают отец, мать, крёстные, дяди и тёти.

Они ставят тебя под самую надёжную в мире защиту. Окружают любовью, зажигают твою личную свечу и тихо говорят: «Живи, наш малыш. Теперь ты не один. За тобой - Бог, предки и вся наша большая родня».

И против такой защиты, согласитесь, любой партком был абсолютно бессилен.

КАНДИДАТ БЕЗ ПАРТБИЛЕТА

Мы уже знаем, как папа окончил сельскую школу с медалью, правда, серебряной - из-за одного принципиально чудаковатого учителя математики, решившего проучить деревенского гения. Казанский университет он штурмовал с тем же неукротимым напором. Но главное было даже не в дипломах.

Тяга к познанию бурлила у него в крови в промышленных масштабах. Папа читал запоем всю жизнь: от академических фолиантов до последних новостей в соцсетях, которые он освоил на пенсии с легкостью хакера. Для нас с братом домашняя иерархия поиска информации была строгой: если возникал сложный вопрос мироздания, мы сначала шли к маме. А вот если уже и мама разводила руками, в дело вступала тяжелая артиллерия. Папа заменял собой Государственную библиотеку имени Ленина в одном отдельно взятом, горячо любимом человеке.

Диапазон его эрудиции не поддавался описанию.

Он с одинаковым жаром цитировал Гомера и стихи поэтов-шестидесятников. Мог часами рассуждать о византийских фресках в древних монастырях, спорить о полотнах Ильи Глазунова, щелкать этюды гроссмейстеров и тут же увлеченно чертить формулы систем в теории вероятности.

При этом классическая симфоническая музыка в его душе мирно и вполне гармонично уживалась с раздольным блатным шансоном. За все сорок с лишним лет жизни мне так и не удалось обнаружить ни одной области человеческого знания, где папа не выдал бы исчерпывающий, точный и парадоксальный ответ. Человек-Гугл доцифровой эпохи.

При этом папа был человеком искренне, глубоко верующим. И с обостренным чувством справедливости.

Когда в голодном детстве сельсовет срубил под корень его любимую плодоносящую грушу - просто потому, что у вдовы не нашлось денег заплатить драконовский налог на деревья, - в голове у маленького Мишухи щелкнул тумблер. Отношение к партийной номенклатуре было сформулировано раз и навсегда.

Папа наотрез отказался вступать в КПСС.

Для советской науки это был чистый экстрим. Без партбилета в кармане путь на научный олимп напоминал подъем на Эверест босиком и в шортах. Папа шел к защите кандидатской почти до сорока лет, став ученым только тогда, когда мне - младшему сыну - уже исполнился год.

Родня от такой несгибаемости хваталась за сердце. Старший брат, дядя Коля - человек партийный, военный, кристально честный, но прагматичный - регулярно устраивал воспитательные беседы:

- Миша, ну не дури! Положи заявление на стол парткома - через месяц выйдешь кандидатом наук в шоколаде!

Но папа был кремнем. Он ни с кем не ругался, голос не повышал, не бунтовал, даже по работе дисциплинированно мотался в командировки по партийным разнарядкам. Но в партию не вступил. Принцип - дороже корочки.

Спустя двадцать лет, когда я сам оканчивал университет, папа решил взять исторический реванш.

— Витя, - наступал он на меня с энтузиазмом полководца, - немедленно иди в аспирантуру! Меня в свое время столько мурыжили, что у меня в голове сейчас пять или шесть готовых диссертаций законсервировано. Я тебе всё напишу, только тему выбери!

Уверен, он бы написал их за пару ночей. Но я к тому моменту уже с упоением носился по стране с диктофоном журналиста, поэтому от заманчивого академического бартера отбивался шутками.

Папа, конечно, пытался продавить отцовский авторитет, но против хорошего юмора был бессилен: сдавался, заливался своим заразительным, громогласным смехом и обнимал. Детей он любил без памяти, хоть и пытался привить нам железную дисциплину.

И вот он - 1985 год. День великого триумфа. Долгие годы бессонных ночей, интегралов и расчетов азотных двигателей увенчались оглушительным успехом: папа блестяще защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук!

На улице Красного Маяка мама накрыла стол грандиозных масштабов. Салаты теснились в три яруса, мясо благо-

ухало, хрусталь звенел в ожидании столичной ученой элиты и маститых членов диссертационного совета.

Но тут вмешалась большая геополитика: 7 мая 1985 года Михаил Горбачев объявил войну зеленому змию, дав старт беспощадной антиалкогольной кампании. Ученые мужи из комиссии, испугавшись партийных рейдов и проверок на трезвость, предпочли интеллигентно испариться по домам.

Папа прибыл на пятнадцатый этаж всего с одним-единственным верным профессором. Чтобы триумф не казался слишком лёгким, дом встретил новоиспечённого кандидата наук отключённым лифтом. Пришлось шагать на пятнадцатый этаж пешком: видимо, в этот день даже городская электросеть не выдержала накала научной мысли.

Глядя на поляну, рассчитанную на роту солдат, мама на секунду застыла. Но Жировы не сдаются! Дисковый телефон раскалился докрасна:

— Алло, Коля? Срочно к нам! Миша защитился! Мама, Таня, бросайте всё, стол накрыт!

Через час квартира напоминала бурлящий смольный штаб. За столом гремела бокалами вся огромная семья: дядя Коля первым поднимал тост за несгибаемого брата, бабушка Вера утирала слезы гордости за зятя, тетя Таня подкладывала закуски ошалевшему от счастья профессору. Отметили так, как советской науке и не снилось.

Папа заслужил это признание много лет назад. Но суть была в том, что его авторитет никогда не нуждался в офици-

альных гербовых печатях.

Как однажды тонко заметил Альберт Эйнштейн: «Стремитесь не к успеху, а к ценностям, которые он дает». Папа никогда не гнался за дежурными лаврами. Он просто жил с высоко поднятой головой, любил истину, держал слово и щедро делился светом своего огромного ума со всеми, кто оказывался рядом.

КОРАБЛЬ МИРА

До пяти лет любой советский ребёнок - абсолютный, ничем не ограниченный монарх. Вся вселенная крутится вокруг твоих сандаликов, а капризы исполняются с точностью кремлёвского протокола.

Пока папа не затеял грандиозную стройку собственного дома в Сопово, нас со старшим братом на всё лето отправляли в деревню Каменку, что на Рогачёвском шоссе к северу от Москвы. Под надёжное крыло бабушки и в гущу гигантского родового клана.

История этого родового гнезда заслуживает отдельного тома в серии «Жизнь замечательных купцов». Мой прапрадед по маминой линии был купцом первой гильдии и владел внушительными лесными угодьями в ближнем Подмосковье. Как уж он там в 1917 году договорился с большевиками - семейные архивы деликатно умалчивают. Но факт остаётся фактом: все члены семьи выжили, не уехали на Соловки и даже сохранили прописку. Правда, сам вековой лес прапрадед великодушно уступил молодой советской республике. Республика забрала сосны и берёзы, а нам великодушно оставила чистые воспоминания.

В Великую Отечественную купеческий особняк постигла героическая, но трагическая участь. Немцы - народ сугубо

практичный - быстро сообразили, что купец строил на века, и превратили самую крепкую постройку деревни в неприступный дот: приковали пулемётчиков цепями к гнёздам и приготовились зимовать. Нашей наступающей армии сантименты разводить было некогда: дом сожгли дотла вместе с гарнизоном, выбивая врага с высоты. С тех пор все каменские гранитные обелиски героям войны торжественно смотрят аккурат на наш забор.

На пепелище потом поставили просторную беседку, а сами потомки купца переселились в бывшую конюшню. Бабушкины братья вместе с её мужем, моим дедом Виктором, приложили руки, топоры и рулетки - и стойла превратились в потрясающий жилой дом. В детстве мне казалось, что это как минимум Версаль. Анфилада комнат, чердак с тайнами и гигантская русская печь, в которой не просто выпекали пироги, но и натурально мыли детей, как в сказках про Бабу-ягу. Судя по объёму этих хором, до революции прапрадедовские орловские рысаки жили с комфортом, который среднестатистическому советскому инженеру и не снился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.